

УДК 811.111'42

КОММУНИКАТИВНЫЙ СИГНАЛ ТРЕВОГИ “CRISIS” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

И.Н. Кабанова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются характерные особенности медийного дискурса и коммуникативные сигналы тревоги как типичные его элементы, функциональной спецификой которых являются манипуляция и прагматическое воздействие. Анализ поля «кризис» позволил выявить следующие актуальные когнитивные метафорические модели: кризис – это стихия, кризис – это болезнь, кризис – это война, кризис – это разрушение здания, кризис – это авиакатастрофа, кризис – это спектакль.

Ключевые слова: коммуникативный сигнал, тревога, когнитивная метафора, метафорическая модель, медийный дискурс.

Communicative Signal of Anxiety “Crisis” in English Mass Media Discourse

Irina N. Kabanova

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article deals with the peculiarities of mass media discourse and communicative signals of anxiety as its typical elements employed for the purpose of manipulation and social regulation. The analysis of the sphere of crisis allows to make a conclusion of its aggressive and exciting nature realized in the basic cognitive metaphors: crisis is natural disaster, crisis is illness, crisis is war, crisis is destruction of building, crisis is air accident, crisis is performance.

Key words: communicative signal, anxiety, cognitive metaphor, metaphoric pattern, mass media discourse.

Влияние средств массовой информации на общественную жизнь в XXI веке растет неуклонно и повсеместно, при этом средства массовой информации являются одним из наиболее значимых компонентов социального бытия современного человека, главным средством его приобщения к событиям окружающего мира. С другой стороны, большая часть мира находится за пределами достижимости современного человека, при этом он не в состоянии верифицировать сведения, передаваемые в СМИ. Таким образом, СМИ имеют практически неограниченные возможности по созданию «псевдокартины» мира и являются мощнейшим стимулятором образования социальных мифов. Вирулентность СМИ, а также постоянное преобладание плохих новостей над хорошими, непридрасположенность к позитивной информации, циничный апокалиптический негативизм, пронизывающий важнейшие сообщения массмедиа, неизбежно способствуют конструированию самых неприглядных представлений об окружающей действительности.

Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет утверждать, что одним из важнейших средств, обладающих значительными регулятивными возможностями в плане усиления негативных аспектов общественного сознания, являются коммуникативные сигналы тревоги – прагматически насыщенные участки текста, провоцирующие появление у читателя чувства тревоги, тревожности [2]. Будучи частью социальной информации, они представляют собой основной инструмент социального управления и, вследствие резкого повышения политического влияния информационной власти, базовое средство манипуляции. Кроме того, коммуникативные сигналы тревоги, передающие не столько информацию, знания, суждения, мнения, сколько мощнейший эмоциональный импульс, приобретают характер активного начала, влияя на поведение людей, их отношение к окружающему миру и процессам, в нем происходящим, их психологическое и, нередко, физиологическое состояние.

Рассмотрение непосредственных реализаций коммуникативных сигналов тревоги “*crisis*” в современном медийном дискурсе посредством анализа базовых когнитивных метафорических моделей, участвующих в конструировании этого обширного поля, позволяет получить некую модель политической / экономической реальности, в результате построения которой политическая / экономическая ситуация, требующая осознания, представляется как нечто хорошо знакомое, понятное и имеющее однозначную оценку.

Общеизвестно, что медийная метафора, рассматриваемая как средство, которое приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и национально-культурную традицию, и языковую компетенцию данного социума, тесно связана и с ситуационной общественно-политической ситуацией, в силу чего метафора приобретает социально обостренный характер, повышенную прагматическую ценность, эмотивную нагруженность, актуальный оценочный и манипулятивный потенциал [3].

Метафорическая модель «*Кризис – это стихия*» является доминантной и весьма продуктивной моделью медийного дискурса. Данная модель представляет кризис как природное явление, над которым человек не властен и с которым, следовательно, практически не может бороться.

При этом кризис номинируется как огненная буря, вулкан, шторм, цунами:

- *No, Nick Clegg, in 2010 Britain wasn't 'in the midst of an economic firestorm'* (Greek Political Unrest and Deepening Debt Crisis Fuel Talk of Snap Election. The Guardian, April 2015);
- *Ever since the euro crisis erupted in late 2009 Greece has been at or near its heart* (The Euro's Next Crisis. The Economist, January 2015);

- *Now, Greece finds itself yet again in the eye of a financial storm that is once more threatening to bankrupt the country* (How to Fix Greece: A seven-point Plan for Economic Salvation. The Independent, March 2015);

- *Economy minister Alexei Ulyukayev said Western sanctions were likely to last 'a very long time' and that Russia was paying the price for failing to carry out structural reforms, describing events as 'the perfect storm'* (Putin: Russia's Economic crisis Could Last Two Years. The Independent, December 2014);

- *The boss of watchmaker Swatch has blasted the decision to remove the ceiling on the Swiss franc as a 'tsunami'* (Market Turmoil as Swiss Central Bank Drops Currency Cap – business live. The Guardian, January 2015).

Если огненная стихия является архетипическим символом разрушения [1. С. 256], вода традиционно воспринимается как «источник жизни», и в рамках данной когнитивной модели денежные средства представляются как необходимые денежные вливания, поддерживающие жизнедеятельность экономики, исчезновение которых приводит к кризису:

- *In theory a growing economy and a primary surplus may help a country repudiate its debts because it is no longer dependent on capital inflows* (The Euro's Next Crisis. The Economist, January 2015);

- *Credit for importers has dried up* (The Squeeze Tightens. The Economist, March 2015);

- *They [the reserves] are evaporating: down \$100 billion in the past year, following failed attempts to defend the rouble* (A Wounded Economy. The Economist, December 2014);

- Although Mr Tsipras came to power promising to end austerity, he backed down last month, as *money poured out of Greek banks* at a weekly rate of some €2 billion and the prospect of capital controls loomed (Dangerous Liaisons. The Economist, January 2015).

Крайне негативно воспринимается и любое погружение в воду:

- *Vladimir Putin today admitted Russia's economic crisis could last two years after the rouble's plunge in value* (Putin: Russia's Economic Crisis could Last Two Years. The London Evening Standard, December 2014).

- *As the Russian currency sinks, the amount guest workers are able to remit, usually in dollars, falls too* (Contagion, The Economist, January 2015);

- *The talks aimed at concluding a reform-for-cash programme to keep the crisis-hit country afloat* (Greek Political Unrest and Deepening Debt Crisis Fuel Talk of Snap Election. The Guardian, April 2015);

- *The oil price has fallen by almost half in the past six months – it dropped below \$60 this week, its lowest level since the depths of the financial crisis* (Going over the Edge. The Economist, December 2014).

Данные метафоры подчеркивают как утилитарные признаки кризиса – разрушающий, опасный, неожиданный, неотвратимый, так и его

параметрические показатели – огромный, безбрежный; эксплицируют векторы опасности и тревожности.

Метафорическая модель «Кризис – это болезнь» используется для непосредственного воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата и создания соответствующего отношения к рассматриваемым реалиям и событиям. В соответствии с семантикой сферы-источника экономика или ее сектор представляются как организм, а кризис – как угроза его здоровью:

- *The situation is still far from an all-out crisis, with the country still possessing a **healthy, albeit lower, amount of foreign currency reserves** (Russians Mark Less than Merry Orthodox Christmas Amid Rouble Fears. The Guardian, January 2015);*

- ***Russia's economic health is heavily dependent on the price of oil** (Russia's Economic Crisis: Five Key Charts. The Guardian, December 2014).*

Чаще всего кризис концептуализируется как вирус или инфекция, что создает образ нездоровой, опасной экономической среды, заразной для других:

- *Each path is associated with serious complications... The third expropriates the creditor countries of the north, and the fourth may cause **contagion effects** via capital markets (Europe's Easy-money Endgame. The Guardian, March 2015);*

- *Without funding from the taxpayer, virtually no bank would be safe from **the virus that has infected the global financial system** (Going over the Edge. The Economist, December 2014);*

- *A new crisis is a **virulent infection attacking a body whose immune system is compromised** (We Need Economic Risk-taking, not Financial Risk-taking. The Independent, April 2015).*

В качестве коммуникативных сигналов тревоги используются симптомы заболевания (*a symptom of wider worries*), физические (*domestic economic weakness, pain, Russia is hurting, the weak rouble*) и психические (*the financial market's anxiety, panic*) его проявления.

От кризиса можно избавиться, вылечив эту болезнь с применением различных способов лечения:

- *The two parties share little beyond hostility to **Greece's treatment at the hands of its creditors** (Greece and Its Discontents, The Economist, April 2015);*

- ***The anti-contagion defences** that the euro zone has since built make Grexit easier to contemplate (The Euro's Next Crisis. The Economist, January 2015);*

- *It is hard to believe that a Greek crisis will not unleash fresh ructions elsewhere in the euro zone – not least because some of **Mrs Merkel's medicine***

is patently doing more harm than good (The Euro's Next Crisis. The Economist, January 2015);

- *The minutes show that the Bank was an early proponent of **the injection of public money** into private banks to calm the markets* (Bank of England's Financial Crisis Struggles Revealed: The Hidden History of the Crisis. The Independent, January 2015).

Несмотря на то что применяются разнообразные способы лечения, положительный исход не гарантирован:

- *Nothing is moving; **the market is dead*** (Greeks' View of the Debt Crisis: 'What Lies Ahead is Great, Great Hardship'. The Guardian, April 2015);

- *Russians are right to worry: they are heading for **a lethal combination of deep recession and runaway inflation*** (Going over the Edge. The Economist, December 2014).

Подобные морбиальные метафоры создаются, прежде всего, для того, чтобы «перенести имеющееся у читателя эмоциональное отношение к понятию-источнику на понятие, которое концептуализируется» [4. С. 67], соответственно, естественное отношение любого человека к болезни (безысходность, беспокойство, страх, боль, беспомощность) благодаря использованию метафоры переносится и на отношение к кризису.

Метафорическая модель *«Кризис – это война»* выступает своеобразным инструментом мышления, подсказывающим решения, определяющим направление развития мысли и оценки. Война эта долгосрочная, требующая оперативного плана действий (*a seven-point plan for economic salvation; the financial plan*), определенной стратегии (*an economic strategy; resolution strategies in a crisis*), решительных и продуманных оборонительных действий (*the financial rescue actions, to defend the rouble, to protect "their" bit of global banks*). При этом активный наступательный характер кризиса подчеркивается соответствующими метафорами:

- *Russia's economy has been **hit hard** by falling oil prices, with tension over the conflict in Ukraine undermining investor and consumer confidence* (Russia's Economic Crisis: Five Key Charts. The Guardian, December 2014);

- *Western sanctions imposed during the Ukraine crisis has caused foreign investors to leave the country in droves, which, together with the current slump in oil prices, has caught the Russian economy **in the jaws of a trap that's pummelling the rouble and tanking the economy*** (Rouble Trouble. The Independent, December 2014).

У экономики, находящейся в состоянии рецессии, есть враги – виновники кризиса и друзья-союзники – новые экономические партнеры:

- *Mr Putin will surely blame **internal and external enemies for Russia's economic troubles*** (Back to the Lean Years. The Economist, December 2014);

- *The EU has yet to fire its biggest weapon against Russia: a colossal “complaint” based on a multi-year investigation into discriminatory pricing and other market abuse dating back to 2004* (Why Europe no Longer fears the Russian Gasman. The Economist, January 2015);

- *An uneasy friendship: The crisis in Ukraine is drawing Russia closer to China* (An Uneasy Friendship. The Economist, May 2015).

Данная вполне традиционная модель, ассоциирующая с векторами тревожности и беспомощности, структурируется в медийном дискурсе очень подробно. В частности, неверные шаги, предпринятые с целью выхода из кризиса, метафорически номинируются как нанесение ран. В метафорах, представляющих данный слот, наиболее ярко проявляются негативные смыслы, связанные с кровопролитием, болью, страданием:

- *Russia’s wounded economy could fall into a crisis* (A Wounded Economy. The Economist, December 2014);

- *This process started in the 1980s, when economists used the term hysteresis to describe the permanent scarring left by the recession in industrial Britain on the long-term unemployed* (Talk of Interest Rates Cut Alludes to Scarring from the Global Financial Crisis. The Guardian, March 2015).

В целом, негативный коннотативный потенциал военной лексики (*viciously attacked, victims, losses, casualties, sacrifices, defeat, destruction, battle*) создает вокруг экономического кризиса ореол враждебности и агрессивности. Показательно в этом отношении употребление глаголов *to struggle, to fight, to confront, to kill*, актуализирующих представление о кризисе как об угрозе извне, о внешнем или внутреннем враге, с которым необходимо бороться:

- *Governments would struggle to shift excessive debts and cut long-term unemployment* (IMF Says Governments Need to Do More to Stimulate Economic Growth. The Guardian, April 2015);

- *That would cheer government officials fighting to pay pensions and civil servants’ salaries at the end of the month* (The Squeeze Tightens, The Economist. The Economist, March 2015);

- *A Grexit could happen if Syriza wins the election and confronts Greece’s creditors with demands they find incompatible with Greece staying in the monetary union* (How Greece might Avoid a Grexit. The Economist, January 2015);

- *Regulators’ desire to make banks easy to kill is determining how they live* (Pre-empting the Next Crisis. The Economist, March 2015).

Метафора в силу своей функционально-прагматической специфики противоречит множественности, выделению неограниченного набора свойств, и, напротив, стремится избежать подобного плюрализма, соблюсти принцип единичности, подчеркнуть сущность объекта. В следующем примере используемая при оценке последствий

экономического кризиса в Греции метафора подчеркивает катастрофичность и необратимость сложившейся ситуации:

- *The Greek prime minister, Alexis Tsipras, has said **the country has won a significant battle but has yet to win the war**, in his first public reaction to the latest deal to keep the debt-stricken nation financially afloat (Alexis Tsipras: Greece has Won a Battle but the Real Difficulties Lie Ahead. The Guardian, April 2015).*

Отрицательно заряженное эмоциональное отношение возникает и в результате концептуализации в метафорической модели «**Кризис – это разрушение здания**». При этом экономика в состоянии кризиса представляется как рушащееся здание, а антикризисные действия – как необходимый ремонт:

- *Much has been done to **improve the euro’s architecture**, with a new bail-out fund, the European Central Bank’s role as lender of last resort and a partial banking union (The Euro’s Next crisis. The Economist, January 2015);*

- *The government offers no solutions to **a mounting economic crisis** (Empty Shelves and Rhetoric. The Economist, January 2015).*

Поддержанию негативного фона восприятия фактов экономической жизни, их запрограммированной оценке служит метафорическая модель «**Кризис – это авиакатастрофа**», в рамках которой кризис осмысливается как нечто неуправляемое, вышедшее из под контроля, при этом метафорические обозначения являются катализаторами страха и тревоги:

- *Putin faces up to the country’s economic challenges and invests in a modern manufacturing sector, **low oil prices will always tip it into turbulence, recession and crisis** (Why Russia’s Financial Crises Keep on Coming. The Guardian, December 2014);*

- ***The economy has gone into a nosedive** (How to Fix Greece: A seven-point Plan for Economic Salvation, The Independent, March 2015); *nosedive* – 1. a sudden steep fall or drop; a situation where sth suddenly becomes worse or begins to fail; 2. the sudden sharp fall of an aircraft towards the ground with its front part pointing down [5. P. 1036].*

- ***The economy has come out of its tailspin** and although Greece is heavily indebted to its official lenders, the terms are extraordinarily lenient (How Greece might Avoid a Grexit, The Economist, January 2015): *tailspin* – 1. a situation in which a pilot loses control of an aircraft and it spins as it falls quickly towards the ground, with the back making larger circles than the front; 2. a situation that suddenly becomes much worse and is not under control [5. P. 1562].*

Метафорическая модель «**Кризис – это спектакль**» изображает кризис как нечто регулярно происходящее и изрядно надоевшее:

- *For five years it has followed **a wearily familiar script of unplayable debts, aborted reforms and 11th-hour compromises that let the country stagger on inside the single currency** (On the Gredge. The Economist, April 2015);*

- *Eventually every long-running drama, from “Downton Abbey” to “Dr Who”, feels formulaic. So it is with Greece’s debt saga* (On the Gredge. The Economist, April 2015).

Модель выявляет виновных, играющих главную роль в разворачивающемся кризисе:

- *Analysts say the oil price is the key indicator of the Russian economy, but the western sanctions imposed on Russian banks in the wake of the war in Ukraine have also played a part, as well as underlying concerns about the lack of diversification and reform in the Russian economy* (Russians Mark Less than Merry Orthodox Christmas Amid Rouble Fears. The Guardian, January 2015).

В целом кризис относится к сфере наиболее тревожных явлений современной действительности, отражающих различные проявления социальной девиации в обществе, соотносящихся с масштабными экономическими проблемами и явлениями, которые не поддаются прогнозированию и контролю со стороны обычного человека. Активизация таких источников метафорической экспансии и метафорического притяжения, как стихия, война, болезнь, катастрофа, при обозначении современной действительности способствуют актуализации векторов опасности, разрушительности, апокалиптичности; при этом возникает своего рода психическое заражение, эпидемия стресса в массовом настроении социума.

Библиографический список

1. *Кабанова И.Н., Кохан Н.А.* К вопросу о сходстве символических значений в английском и русском фразеологических фондах // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 11. С. 253-260.
2. *Милевич И.Г.* Гиперболизация как средство коммуникативного сигнала тревоги в современной публицистике // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Вып 1. Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. С. 330-332.
3. *Пьянзина И.Н.* Прагматика оценки в субъязыке современной британской прессы (на материале публицистического очерка): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000. 186 с.
4. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / Урал. гос. пед ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.
5. *Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English* / Ed. Sally Wehmeier. Oxford: Oxford University Press, 2005. 1918 p.